

**"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
№ 1–2 (61–62) январь–февраль 2002 г.**

**ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ
(О роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и
мультикультурализма)**

Последние годы в России отмечены резким всплеском межнациональных, межконфессиональных конфликтов, которые порой приводят к кровавым столкновениям. И хотя специалистам понятно, что в основе этих конфликтов лежат демографические, экономические, экологические, технологические, политические, а также социокультурные факторы, которые отражают различия в менталитете, культуре, религии, образовании, этике разных народов и цивилизаций, многие обвиняют российскую прессу в том, что на общество обрушилась эпидемия национальной и религиозной нетерпимости. Иногда обвиняют всю прессу чохом, иногда – только негосударственную прессу.

С другой стороны, именно к СМИ обращаются те, кто стремится остановить процесс сползания России в грязное болото ксенофобии. Но и те, и другие рассматривают масс-медиа как самый мощный инструмент влияния на происходящие в обществе духовные процессы. И те, и другие хотят руководить информационными процессами, в частности, процессом доступа граждан к информации. Мало кто осмеливается произносить вслух слово "цензура" (хотя есть и такие). Но и о том, чтобы опереться на журналистскую саморегуляцию, говорят еще меньше. Чаще всего речь идет либо о принятии неких государственных регламентирующих документов, либо о введении неких наблюдательных (общественных) советов, которые и будут определять, о чем и как должны сообщать журналисты в такой деликатной сфере, как межэтнические и межконфессиональные отношения.

В представленном материале предпринята попытка показать, что роль СМИ как в разжигании конфликтов, так и в воспитании толерантного отношения к представителям иных социальных групп, сильно преувеличена.

В последнее время проблеме толерантности уделяется много внимания. Проводятся конференции, издаются книги и брошюры, реализуются специальные программы. Широко известен План мероприятий Межведомственной программы "Толерантность", утвержденной 31 декабря 1999 года Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации В.И. Матвиенко. Есть в этой программе разделы, посвященные деятельности образовательных структур, средств массовой информации, запланировано множество исследовательских проектов. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. утверждена Федеральная целевая Программа "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001–2005 годы".

Активно реализуются проекты, направленные на просвещение журналистов, повышение уровня публикаций, посвященных освещению сложных аспектов межэтнических отношений и конфликтных ситуаций. Безусловно, реализация этих проектов сыграла свою положительную роль. По крайней мере, само слово "толерантность" уже вошло в наш обиход. Правда, следует отметить, что разные люди вкладывают в это понятие разные смыслы. Лингвисты понимают под толерантностью терпимость, снисходительность к чужим недостаткам. Политологи рассматривают толерантность как способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего. Психологи используют это понятие для обозначения способности понять другого человека, способности проникнуться и понимать ощущения других людей. В этом смысле толерантность раскрывается через понятия дружелюбия, спокойствия, мирной настроенности, как антипод агрессивности, злобности и раздражительности (Говоря о толерантности, невозможно обойти вопрос о мультикультурализме. Дело в том, что, на мой взгляд, толерантность представляет собой лишь одну из граней сложной проблемы становления гражданского, открытого общества. Другой гранью, тесно соприкасающейся с толерантностью, но не сводимой к ней, является мультикультурализм. Этим понятием обычно обозначают комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех

сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т.д. Другими словами, если толерантность выступает как психологическая или социально–психологическая характеристика взаимодействующих индивидов и социальных групп, проявляющаяся в их взаимодействии с другими индивидами или социальными группами, то мультикультурализм означает содействие сосуществованию различных культур в одной стране. Таким образом, толерантность и мультикультурализм представляют собой тесно связанные, но не идентичные понятия.).

Инвариантом всех этих толкований является морально–нравственная установка человека на терпимость, снисходительность, понимание другого. Толерантный человек – это человек, который с уважением относится к интересам, привычкам, верованиям других людей, стремится понять их и достичь взаимного согласия без применения насилия, давления.

На мой взгляд, это чрезмерно узкое толкование данной категории. Представляется возможным рассматривать толерантность как характеристику любых социальных структур – отдельного человека, социальной группы, общественного института или общества в целом, – фиксирующую специфическую ориентацию на разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия с другими социальными структурами. Специфичность этой ориентации заключается в стремлении понять позицию другой стороны, объяснить ей свою позицию и в процессе диалога найти взаимоприемлемое компромиссное решение. Категорией, противоположной толерантности по своему социальному смыслу, является экстремизм, опирающийся на насилие как главный инструмент решения проблем.

Таким образом, толерантность есть не только нравственная характеристика отдельного человека, но и специфическая технология взаимодействия людей, такая технология, которая обеспечивает достижение целей через уравнивание интересов, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемого компромисса (Предвосхищая дальнейший разговор, полагаю необходимым уже здесь заявить, что так понимаемая толерантность есть предпосылка, условие и одновременно продукт либерального, демократического общества. Только в обществе, признающем в качестве высшей ценности и главного богатства свободную суверенную человеческую личность, толерантность становится естественным атрибутом цивилизованности. И наоборот, в обществе, где к идее суверенной личности относятся с подозрением, толерантность рассматривается как синоним мягкотелости и неумения бороться "за светлые идеалы").

Поскольку Россия ни экономической, ни политической свободой никогда не отличалась, то ни практических, ни теоретических основ либерализма для себя не выработала. Русская историческая традиция от славянофилов до Солженицына неизменно отрицала западный либерализм во имя внутренней религиозной свободы. Законность и право в качестве "этических минимумов" человеческой жизни третировались как формы внешнего ограничения и принудилки. Они казались чуждыми высоким идеалам подлинной духовной свободы.

Эта традиция жива и сегодня. Авторы многих появляющихся в прессе публикаций настойчиво стремятся развенчать "либерально–рационалистический миф", повинный, по их мнению, в повсеместно наступившем культурно–экологическом кризисе, и требуют предпринять экстраординарные меры по его преодолению.

Зато насилие как средство решения различных, в том числе и политических проблем, имеет среди российских журналистов немало сторонников. Российские радикалы и экстремисты относятся к сторонникам ненасильственных способов решения политических задач весьма насмешливо. В России экстремизм и его крайняя форма – терроризм всегда вызывали интерес у определенных групп населения, которые могли обратить на себя внимание только посредством диких эксцессов, и у интеллектуалов, выражавших интересы этих групп. Достаточно напомнить Нечаева с его лозунгом: –Нравственно то, что служит революции". Конечно, терроризм в России тоже был разный. Большевизм устами В.И. Ленина хотя и осуждал индивидуальный террор (не с этических, а методологических и стратегических позиций), ставил в заслугу народовольцам то, что они своим героическим террористическим методом борьбы способствовали последовательному революционному воспитанию русского народа.

Российские журналисты и сейчас много и со вкусом пишут об экстремистах всех мастей, так много, что невольно закрадывается подозрение, что именно этот тип политического поведения представляется им наиболее "интересным").

Говоря о толерантности, можно предложить следующие параметры этой категории:

А) Уровень толерантности. Если исходить из предложенной выше оппозиции "экстремизм– толерантность", то можно предположить, что высшая точка толерантности связана с идеей непротивления злу насилием и следованием принципу: если тебя ударили, по правой щеке, подставь левую. Нормальная, средняя степень толерантности обозначена максимой "Око за око, зуб за зуб", и минимальная толерантность описывается тезисом "Если враг не сдается, его уничтожают".

При таком подходе толерантность становится измеряемой характеристикой как личности, так и общества, и дело за малым: определением индикаторов и разработкой социологического инструментария, позволяющего более или менее точно выяснить степень толерантности с помощью определенной шкалы.

В качестве гипотезы можно предположить, что есть социальные структуры, изначально ориентированные на агрессию, на силовое решение проблем, и есть структуры, в большей степени ориентированные на переговоры, на поиск согласия, на компромисс.

Б) Субъекты толерантности. Под субъектами толерантности понимаются различные индивиды, социальные группы, общественные институты, на которые распространяется принцип толерантности, с которыми возможен поиск компромисса. Понятно, что перечень таких субъектов у каждой социальной системы разный. Так, Аслан Масхадов для российского правительства не является субъектом переговорного процесса, а для руководителей некоторых оппозиционных движений является. Для одних журналистов такие структуры, как МВД, Армия, ФСБ, парламент, выступают субъектами толерантности, то есть могут требовать уважительного отношения, понимания, снисходительности, а для других они достойны только осмеяния, остракизма и ненависти.

Специфическим субъектом толерантности является власть в целом. Для одних журналистов представляется совершенно естественной мысль о том, что средства массовой информации обязаны почти постоянно находиться в конфликте с властями и большим бизнесом. СМИ, по их мнению, играют роль сторожевого пса демократии и бдительно следят за тем, чтобы властные структуры соблюдали демократические "правила игры". Некоторые российские журналисты усвоили эту нехитрую логику противостояния и считают делом доблести, чести и героизма постоянно выставлять власть в комическом, пародийном свете, считая, видимо, что тем самым они помогают становлению демократии в России. Думаю, что на самом деле они безответственно затаптывают неокрепшие ростки демократии, создают ту атмосферу, когда власть критикуют не за ошибки, а просто потому, что она власть. Очень неприятно читать публикации, в которых бездоказательно и грубо называют взяточниками, разрушителями России, обмазывают грязью не конкретных людей, опасаясь, видимо, судебного преследования, а просто категории "государственный чиновник", "государственный служащий".

Другой специфический субъект толерантности – коллеги. Все мы являемся свидетелями той "войны титанов", которая иногда вспыхивает в московских и региональных СМИ.

В) Предмет толерантности. Под предметом толерантности понимается та характеристика личности, социальной группы или иного объединения людей, которая может быть полем согласования интересов, взаимопонимания, поиска компромиссов. Понятно, что у разных субъектов предмет толерантности может быть разным. Один готов примириться с тем, что кто–то верит в другого бога, но ни за что не признает его право иметь иные политические взгляды. Другой, наоборот, готов не обращать внимания на политические взгляды, если есть совпадение в религиозной принадлежности. Третий не может поступиться некоторыми нравственными императивами, которые не могут быть для него предметом торга.

Другими словами, у каждого человека, каждой социальной группы, каждого общества есть некие

пределы, некие зоны, где толерантность не допускается, и есть предметы, по отношению к которым звучит знаменитое "Не могу поступиться принципами".

Предметное поле толерантности можно изобразить в виде некоей розы ветров, где векторами являются религиозные, политические, экономические, нравственные и иные взгляды.

Кроме того, следует выделить факторы, влияющие на параметры толерантности.

Первый фактор – общая социальная ситуация, в которой живут люди. Трудно быть терпимым, снисходительным, уважительным, если вокруг рвутся мины и стреляют в затылок. Чем выше уровень общественного напряжения, тем выше агрессивность и нетерпимость людей.

Второй фактор – ситуация в конкретном сообществе, членом которого является индивид (Надо ли говорить о тех трудных условиях, в которых приходится работать российским журналистам? Я имею в виду и внушающее глубокую тревогу материальное состояние всех структур, отвечающих за информационное обеспечение населения, и низкую заработную плату большинства работников средств массовой информации, и постоянные попытки достаточно разных по политическим симпатиям и степени влияния сил подчинить себе СМИ или, по крайней мере, выйти на реальные рычаги управления ими. Приходится констатировать, что средства массовой информации, с одной стороны, попали под жесточайший экономический пресс рыночных отношений, а с другой – продолжают испытывать давление властных структур, пытающихся управлять ими старыми методами. Одновременно произошло резкое снижение платежеспособности массового потребителя информации. Все это в совокупности принципиально изменило ситуацию на информационном рынке России. Понятно, что ожидать от озлобленных профессионалов такого деликатного чувства, как толерантность, не приходится.).

Третий фактор – специфический тип культуры межличностных и социальных отношений. К этой проблеме я и хотел бы перейти.

Для меня толерантность не только теоретическое понятие, но и элемент определенной культуры жизни, определенной культуры поведения. Под культурой я понимаю совокупность знаний, ценностей и норм, которые определяют нашу жизнь. Можно предположить, что в фундамент так понимаемой культуры может быть вписана и толерантность. Но ее там может и не быть. И если ее там нет, то мы можем сколько угодно рассуждать о толерантности, но в жизни ее не увидим. Это все равно как рассуждать о боли с человеком, который по каким-либо причинам боли не чувствует. Он будет кивать головой и вообще поддерживать беседу, но понять тебя не сможет.

Мы убедились в этом в процессе реализации большого проекта, который называется "Журналистика в пространстве культуры". Идея проекта заключается в том, чтобы вовлечь журналистов в обсуждение различных идей, реализация которых позволила бы ослабить, а возможно, и развязать тугой узел противоречий, возникающих в связи с существованием в России проявлений дискриминации граждан по признаку расы, пола, языка, национальной принадлежности, религии или состояния здоровья. Проект также преследует цель активизации деятельности журналистов по формированию в российских регионах "системы иммунитета" к этнической и национальной агрессивности.

Актуальность такого проекта обусловлена тем, что в настоящее время в России есть настоятельная необходимость бороться за то, чтобы не только обеспечить толерантность к представителям других культур на межличностном уровне, но и добиться положения, при котором и на уровне управленческой практики, включая деятельность органов правопорядка, различные социальные структуры и, прежде всего, органы власти обеспечивали уважение прав человека и основных свобод для всех граждан страны.

Проект включает в себя проведение серии региональных семинаров–тренингов для журналистов региональных СМИ, занимающихся данной проблематикой. На этих семинарах мы обнаружили, что журналисты, много и охотно рассуждавшие о том, что такое толерантность, поддерживавшие идею толерантного отношения к ближнему, одновременно публиковали материалы, в которых высокомерно отзывались о "лицах кавказской национальности", призывали раз и навсегда решить "чеченскую проблему", делили жителей какого-нибудь городка на "местных" и "пришлых"

и т.п. Так, например, когда на одном из семинаров мы предложили журналистам поразмышлять о том, как обеспечить толерантное отношение к приезжим, то двадцать с лишним человек дали простой ответ: надо ограничить количество приезжих. И еще предложили фильтровать приезжающих: по профессии, по возрасту. Это к вопросу о толерантности наших журналистов.

Стоит ли удивляться тому, что сегодня для многих россиян характерны ненависть к приезжим, презрение к инвалидам, желание "очистить Россию от иностранной скверны", искоренить "нетрадиционные религии" и фундаменталистов, и т.д. Участились проявления нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим–мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах. Есть факты насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений.

Все это говорит о том, что прежде чем наращивать усилия по пропаганде толерантности, надо проанализировать причины интолерантного поведения как населения, так и журналистов. Чаще всего в качестве такой причины называют нашу ненормальную жизнь, которая, дескать, заставляет людей быть нетерпимыми. Вероятно, доля правды в таком утверждении есть. Но только в том смысле, что бессмысленно учить толерантному поведению до тех пор, пока вокруг будут образцы успешного интолерантного поведения. Однако и сама жизнь, и анализ показывают, что в одних и тех же условиях одни люди стараются унижить, оскорбить другого человека, использовать его в качестве инструмента достижения своих целей, а другие не могут этого себе позволить, реализуя даже в самых беспощадных условиях жизни нормы толерантного поведения.

Следовательно, нужно понять культуру отношений в обществе и культуру журналистики, которая эти отношения поддерживает. Начинать поиск особенностей поведения журналиста в рамках формирования установок толерантного поведения надо с понимания того, что собой представляет реальная российская культура. Культура отношений между людьми, культура отношения к своей работе, культура отношения к своей семье, культура отношения к другим, к иным, инаким.

Обратившись к этой проблеме, прежде всего замечаешь, что нынешняя российская культура представляет собой амальгаму из трех разных культур.

Одна из них провозглашает в качестве основы отношения человека к окружающему миру принцип органичности, целостности и взаимосвязанности всего сущего в этом мире; принцип признания суверенности мельчайших элементов мироздания и уважения к правам этих элементов; принцип естественности роста, приращения всего сущего, неприятия революций, взрывных преобразований. Это – космоцентрическая культура.

Космоцентрическая культура прослеживается у разных народов на всех этапах человеческой истории. В частности, в работе К. Мясло "Оборванная нить" аргументировано доказывается, что российская деревня являлась самостоятельной цивилизацией, органично складывавшейся многие тысячелетия и опиравшейся на идею идеального равновесия вселенной. Именно Космоцентрическая культура в наиболее полной мере реализует жизненную ориентацию, названную Э. Фроммом ориентацией на "бытие". В рамках западной культуры эта ориентация наиболее отчетливое выражение получила в работах средневековых европейских мыслителей. Среди авторов новейшего времени можно назвать В. Вернадского, А. Швейцера, Э. Фромма, Ю. Лотмана. Понятно, что в рамках такой культуры толерантность естественна.

Второй тип культуры отношений, который отчетливо проявляется в российской культуре, я называю социо–центрической культурой. Особенность этой системы отношений определяется идеей, согласно которой центром мироздания является некая человеческая общность, к которой причисляет себя данный индивид. Фундаментальной особенностью социоцентрической культуры является растворение личности в некоем "Мы", какой–либо общности, которая выступает по отношению к этому индивиду как высшая власть и высшая сила. Следует подчеркнуть, что речь идет о добровольном и зачастую самим индивидом не замечаемом усвоении принятых в данной общине шаблонов, схем и образцов мышления и поведения, которые рассматриваются как единственно возможные.

Такая культура позволяет человеку осознавать себя и других лишь в качестве членов племени, социальной или религиозной общины, а не в качестве самостоятельных человеческих существ. Это, с одной стороны, мешает человеку стать свободным творческим индивидом, самостоятельно определяющим собственную жизнь, а с другой – обеспечивает ему принадлежность к какой-то целостной структуре, позволяя занимать в ней определенное, бесспорное место.

Принадлежность к "Мы" избавляет индивида от ответственности за поиск собственных решений, от мучительных сомнений, от тягостного бремени свободы. Одновременно причастность к "Мы" наделяет человека гордостью и чувством превосходства.

Другой важной особенностью социоцентрической культуры является постоянное присутствие в сознании индивида ясного, отчетливого представления о неких других, неких "Они", которые являются врагами. Собственно говоря, ощущение "Мы" как раз и возникает на базе отталкивания от "Они". Именно этим социоцентрическая культура отличается от космоцентрической. Сохраняя растворенность человека в общине, она сама эту общину резко обособляет и от всех других общин, и от мира природы.

Чем могущественней, страшней, угрожающей выглядит монстр "Они", тем сильнее потребность сплотиться, раствориться в каком-нибудь "Мы".

Деление людей на "своих" и "чужих" непременно сопровождается идеей насилия. Эта идея выступает в разных вариантах. Самый примитивный связан со стремлением уничтожить "иных", "чужих", "не своих". Этому жестокому, но наивному взгляду на насилие противостоит другой, не менее жестокий, но уже менее наивный, "умудренный" пониманием бессмысленности прямолинейного уничтожения "иных". В его основе – желание не уничтожить врага, а сделать его неотличимым от "своих", одержать не внешнюю, а внутреннюю победу. Здесь во всей красе предстает оруэлловский О'Брайен – изощренный интеллектуал, жаждущий власти над ближними.

Противопоставление "Мы" и "Они" – один из древнейших социально-психологических механизмов консолидации людских общностей. Драматизация положения, в котором оказались "Мы", и объяснение всех бед указанием на виновника – "Они" почти неизбежно трансформирует негативные эмоции в агрессию, направленную вовне. Причем чем больше проблем возникает в той или иной общности, спаянной социоцентрической культурой, тем острее потребность в поиске "врага".

Когда иные писатели и публицисты ищут в своей собственной среде и в обществе в целом "не наших" и винят их в ненависти, в русофобии, в преклонении перед западным образом жизни, то это очень напоминает и средневековую охоту на ведьм или поиск еретиков, и более близкие по времени тенденции поделить всех на "своих" и "чужих" ("Кто не с нами, тот против нас").

Разделение на "Мы" и "Они" может проходить по разным признакам. Самыми "популярными" в XX веке стали религиозный, классовый и национальный критерии. Для представителей такой культуры толерантность по отношению к "нашим" – норма, а по отношению к "не нашим" – предательство. В рамках такой культуры поддержка, взаимопомощь, терпимость и все остальные смыслы понятия "толерантность" дозволительны только к точно зафиксированным "нашим". Отсюда классовая ненависть, религиозная ненависть, социальная ненависть и всякие прочие вещи, которые не просто дозволительны, а обязательны, потому что "не наши" посягают "на наших".

И третий компонент российской культуры, который ярко проявляется во всех наших отношениях и в журналистике в том числе, я называю эгоцентрической культурой. Эгоцентрическая культура характеризуется стремлением к самоутверждению личности, к радости потребления и созидания, к власти над другими. Этот тип культуры связан с представлением о том, что каждый человек – кузнец своего счастья, а счастье заключается в обладании. "Ты должен непрерывно идти вперед и испытать свое счастье" – вот первая заповедь носителя эгоцентрической культуры. Все другие люди, занимающиеся тем же делом, что и данный индивид, рассматриваются им как конкуренты.

Однако будучи ориентированным на самого себя, стремясь к достижению своих личных целей, представитель эгоцентрической культуры должен постоянно помнить, что окружающие его люди

точно так же думают только о себе. Поэтому, чтобы достигнуть своих целей, индивид должен учитывать и использовать интересы других. Это может происходить во вполне пристойных формах, теоретиком которых выступал Д. Карнеги; может приобретать более манипулятивный характер (суть отношений – услуга за услугу – от этого не меняется). Следствием такой эгоцентрической ориентации может стать потеря индивидом своей индивидуальности.

Вместе с тем, эгоцентрическая культура стимулирует процесс индивидуализации, направленный на расширение свободы мысли, эмоций и действий. Но при этом возникает чувство одиночества и тревоги, теряется ощущение идентичности с другими людьми. Прогрессирующее отделение от "других" может привести к изоляции. Потеря первичных уз с "Мы" превращает свободу в невыносимое бремя: она становится источником сомнений. И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы: уйти в подчинение или найти какой-то другой способ связываться с людьми и миром, чтобы спастись от неуверенности даже ценой свободы. Однако возможен и иной путь. Как полагает Э. Фромм, при условии, что человек окажется в состоянии развить в себе внутреннюю силу и творческую активность, он может прийти к принципиально новой близости, солидарности со всеми людьми. Другими словами, эгоцентрическая культура имеет два пути своего развития: хищнический и гуманистический.

Эгоцентрическую культуру иногда называют западной культурой, прибавляя при этом, что нам ее импортировали (иногда даже говорят – имплантировали). На самом деле это естественный результат приспособления человека к определенным условиям бытия, и для России он столь же естественен, как и для других стран.

Следует подчеркнуть, что обозначенные выше типы культуры – это идеальные модели, практически не встречающиеся в чистом виде. Они образуют три вектора того пространства, в пределах которого самоорганизуются реальные культуры, представляющие собой своеобразные "сгущения", "облака" с относительно плотным ядром и разреженными "оболочками". Речь идет о преобладании – большем или меньшем – одного из типов. И в этом смысле можно говорить о европейско-американской, азиатской, российской и множестве других – реальных и возможных – культур. Вместе с тем практика показывает, что каждое из этих "сгущений" тяготеет к одному из обозначенных выше идеальных типов.

В частности, если обратиться к анализу западной культуры, оказавшей и продолжающей оказывать сильнейшее влияние на умы и сердца многих образованных россиян, в том числе и журналистов, то трудно не заметить в ней противоречивого синтеза космо-центрической и эгоцентрической культур при безусловном приоритете последней. Результатом этого синтеза явились три основных элемента, на которых покоится западная культура: уважение к собственности, уважение к правам человека, уважение к правовым институтам общества.

Разумеется, внутри западной культуры существуют различные подвиды и варианты. В частности, Э. Фромм указывает на влияние культуры, которую он называет языческой и в рамках которой активно провозглашается идея превосходства одного народа над всеми другими, и одного человека (внутри данного народа) над другими людьми.

Целью жизни в рамках языческой культуры объявляются гордость, власть, слава, богатство и другие атрибуты господства, а средствами достижения этих целей – завоевание, грабеж, разрушение, победа.

Особенностью другого варианта западной культуры – технократизма – является абсолютная уверенность в возможности реализовать некую грандиозную техническую утопию, превратив природу и общество в единую космическую машину, управляемую из одного центра. Есть основания полагать, что технократическая культура с ее культом силового, грубого вмешательства в естественные процессы бытия есть одна из производных форм существования и проявления каких-то более фундаментальных комплексов основных представлений о мире, названных нами социоцентрической и эгоцентрической культурами. Об этом говорит хотя бы тот факт, что технократическая цивилизация активно развивается и на Западе, где господствует эгоцентрическая культура, и на Востоке (Япония, Корея, а теперь уже Китай, Индия), где доминирует социоцентрическая культура.

В противовес западной культуре, которая опирается на веру в познаваемость мира и в возможность этим миром управлять, достигая своих земных целей, человечество выработало и продолжает поддерживать противоположный тип культуры, носители которого уверены, что исторический процесс настолько сложен, что человек в принципе его познать не может, а уж тем более не способен им управлять. Этот тип культуры обычно обозначают понятием "азиатская". Это, конечно, не совсем верно. Вообще географические привязки в данном случае безнадежно устарели, поскольку носители и выразители всех типов культуры встречаются в настоящее время во всех регионах мира.

Говоря о различиях между западной и азиатской культурами, не следует доводить идею этого различия до абсурда. Существует множество переходных вариантов, и даже есть весьма влиятельные научные школы, разрабатывающие тему так называемого "евразийства".

Что касается российской культуры, то она – и об этом свидетельствуют бесчисленные данные – формировалась в период тотального разложения и вытеснения космоцентрической культуры (оставившей своей преемнице в наследство легкие, еле заметные отблески былых сокровищ), под могучим влиянием социоцентрической культуры, при резком неприятии всего, что связано с эгоцентризмом.

Естественность космоцентрических вкраплений становится очевидной, если принять во внимание, что основу деревенской русской культуры, как свидетельствуют работы многих исследователей, составляла преимущественно космоцентрическая культура.

Вместе с тем, социоцентрическая культура тоже не свалилась на россиян неведомо откуда. Эта культура медленно, но неуклонно выростала из космоцентрической культуры. А. Амальрик, исследуя взгляды и представления россиян, писал более 30 лет назад: "Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы – и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово "свобода" понимается большинством народа как синоним слова "беспорядок", как возможность безнаказанного совершения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Уважать можно силу, власть, наконец, даже ум или образование, но что человеческая личность сама по себе представляет какую-то ценность – это дико для народного сознания. Мы как народ не пережили европейского периода культа человеческой личности, личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Парадоксально, что само понятие "период культа личности" стало у нас означать период такого унижения и подавления человеческой личности, которого даже наш народ не знал ранее" (Амальрик А. Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года. "Огонек", 1990 г. N 9, стр. 20).

На мой взгляд, существует отчетливая зависимость между отношением к правам человека и уровнем толерантности социальной системы. Для европейца и американца его права и свободы являются общественно признанным пространством личностной самореализации. Поэтому посягательство кого-либо на его права является для европейца или американца тягчайшим преступлением. В правовом пространстве России также существуют нормы, согласно которым права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (статья 17 часть 2 Российской Конституции), а государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (статья 19 часть 7), и, следовательно, каждый должен относиться к этим правам с уважением, пониманием и т.д. Однако на практике для россиянина его права и свободы есть нечто внешнее, нечто такое, что ему даровано любезным отечеством или добрым барином и что в любой момент может быть отнято без объяснения причин.

Европеец и американец знают, что при столкновении различных индивидов неизбежно появляются конфликты и их как-то надо разрешать. И, чтобы не упасть в грязь лицом, лучше,

если каждая из конфликтующих сторон будет терпима и снисходительна, то есть толерантна к другому. Эта толерантность, как правило, вознаграждается приличным компромиссом и уважением противников и сограждан. Россиянин знает, что мягкость, терпимость, снисходительность будут расценены противной стороной (а также друзьями и союзниками) как трусость и мягкотелость.

Таким образом, развитие толерантности есть функция от развития прав человека. Чем глубже проникнет в толщу национальной ментальности идея неотчуждаемости личных прав и свобод, тем толерантнее будет общество и все его структуры.

Те преобразования, которые происходят в России в последние годы, еще не настолько глубоко затронули ментальные основы человеческого поведения, чтобы мы могли говорить о действительной перестройке поведенческих стереотипов. И нынешняя ситуация в российском обществе мало способствует развитию толерантности. Мало кто верит в стабильность происходящих процессов, и все ждут чего-то и ждут, как правило, чего-то плохого. И это ожидание порождает постоянно циркулирующие слухи то о готовящемся государственном перевороте, то о переносе выборов, то о введении чрезвычайного положения. Понятно, что эти "тревожные ожидания" создают тот специфический климат всеобщего недоверия, в котором не может произрастать древо общественного согласия и терпимости.).

Даже такая привлекательная идея, как справедливость, на практике, констатирует А. Амальрик, оборачивается желанием, "чтобы никому не было лучше, чем мне. (Но это не пресловутая "уравниловка", так как охотно мирятся с тем, чтобы многим было хуже.) Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, чему стараются не подражать, а наоборот –заставить быть себе подобным, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живем мы. Конечно, наиболее типична эта психология для крестьян и наименее – для "среднего класса". Однако крестьяне и вчерашние крестьяне составляют подавляющее большинство нашей страны".

Социоцентризм "подарил" российской культуре стремление к равенству всех индивидов внутри данной общности. В равенстве многие видели священный и окончательный принцип высшей справедливости, решение всех проблем, венец истории. Но именно реализация идеи равенства принесла нашей стране в XX веке самые большие несчастья и неудачи.

И, наконец, следует отметить то обстоятельство, что в результате страшных потрясений, начатых гражданской войной и продолжавшихся в течение десятилетий, 160 миллионов человек были исторгнуты из своих традиционных культурных систем, преимущественно сельских, и насильно "вброшены" в города, где некому было помочь им освоить другую, городскую культуру, казавшуюся непонятной и враждебной.

Маргиналы, люмпены и люди, прошедшие ужасную школу тюрем и лагерей, также существенным образом влияли на культуру отношений. Результатом всего этого и стало явление, именуемое "советский человек", характеризую которого, А.Д. Сахаров писал:

"Идеология советского мещанина (я говорю о худших, но, к сожалению, довольно типичных и для рабочих и крестьян, и для широкой интеллигенции) состоит из нескольких несложных идей:

1. Культ государства, в котором соединяются в разных комбинациях преклонение перед силой, наивная уверенность, что на Западе хуже, чем у нас, благодарность "благодетелю" – государству и в то же время страх и лицемерие.
2. Эгоистическое стремление обеспечить свое и своей семье благополучие; "живя, как все", – с помощью блата, воровства, покрываемого начальством, и обязательного лицемерия...
3. Идея национального превосходства. Тяжелые исторические и погромные формы принимает она у некоторых русских, но и не только у них. Как часто приходится слышать – тратимся на этих черных (или желтых) обезьян, кормим дармоедов. Или – во всем виноваты эти евреи (или русские, грузины, чучмеки –то есть жители Средней Азии)(Сахаров А.Д. Символ веры. "Литературная газета.", 3.10.1990 г.).

Накопленный в современной науке и публицистике материал позволяет вычленить следующие наиболее общие характеристики сложного явления, обозначенного понятием "современная бытовая культура межличностных отношений".

Отказ от личности, индивидуальности, самостоятельности в сфере производственной и общественно значимой деятельности и сознательное "растворение" себя в каком-нибудь "Мы" – реальном или вымышленном.

В условиях, когда объективный ход исторического процесса все настойчивее подталкивает людей к переходу от социоцентрической к эгоцентрической культуре, страх перед последствиями такого перехода, страх перед тотальным одиночеством приводит к тому, что миллионы людей стремятся обрести новое, хотя бы иллюзорное "Мы". Речь идет о стремлении "обрести предков", создать свою генеалогию. Скептическое отношение к любым генеалогиям, господствовавшее ранее в официальной идеологии, сменилось в нынешней публицистике восторженным воспеванием людей, имеющих генеалогию или стремящихся ее обрести.

Но там, где есть "Мы", там обязательно есть "Они". Многие до сих пор искренне верят в то, что для российской культуры нехарактерны расизм и ксенофобия. Однако это не так. Большинство россиян четко делит представителей различных народов, социальных и конфессиональных групп на наших и не наших.

Подозрительность и агрессия по отношению ко всем, кто не "Мы".

Выше уже говорилось о том, что характерная особенность социоцентрической культуры – постоянное ощущение вражеского окружения. Это в полной мере присуще бывшей советской и современной российской культуре, носитель которой все время помнит, что "враг не дремлет!". Отсюда стремление быть начеку, не давать врагу возможности узнать что-нибудь о нас и стараться тайно узнавать все о врагах. Отсюда шпиономания, сверхсекретность.

Вынесение врага за рамки социума, его демонизация в контексте мирового заговора – очень характерные приемы и, более того, основы мышления значительной части наших современников, которые в принципе не способны к признанию собственных ошибок. Ведь раскаяться – значит перестать требовать что-либо от кого-то, перестать завидовать и искать виновных. А в нашей природе – постоянное перекалывание вины на кого-то, на те или иные внешние причины и силы. Вся наша история – поиск и озлобленная война с виноватыми, если их удавалось найти.

Недоверие к материальному благополучию, зависть к богатым.

Из всего богатства христианского вероучения российская (а впоследствии советская культура) восприняла в качестве одного из своих краеугольных камней положение о том, что "легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное". Проникновение в Россию во второй половине XIX века социалистических учений лишь помогло артикуляции народного неприятия богатства, частной собственности (а заодно и прав личности, противопоставляющей себя большинству) и многих других, естественных для западной цивилизации ценностей.

И сегодня многие полагают, что бедным быть, в принципе, "нормально". Самое неприятное для этих людей заключается не в том, чтобы влачить жалкое существование, а в том, чтобы быть хуже людей: "Ну и что ж, что бедны, – живем, как все". "Как все" можно жить на любом, сколь угодно низком уровне. То есть речь снова идет о постоянном стремлении быть среди "своих", но в качестве своих предпочтительнее "бедные", ибо пребывание в бедности позволяет, во-первых, не очень напрягаться, во-вторых, чувствовать себя более духовным и близким Богу.

Эта точка зрения – нищета есть духовность, благополучие есть бездуховность – достаточно популярна в среде российских публицистов определенного толка. Отсюда – новый виток изоляционизма и мессианства. Отсюда – фантастическая модель будущей России как оплота нравственности в мире бездуховного чистогана. Отсюда – "русский" ответ на вопрос "Что делать?": стать духовниками, нравственными путеводами человечества, направивши все сердце на стоическое неприятие тотальной власти денег.

Но, с другой стороны, изнанкой такого подхода являются чрезвычайная популярность различных лотерей, игровых автоматов, мультфильмов про некоего Емелю, который сидит на печке (в то время как его братья работают в поле) и ждет удачи (и непременно дожидается, поскольку именно ему как раз и улыбается счастье). И если внимательно вглядеться в это противоречие, становится понятным, что богатство – само по себе не предосудительно; предосудительно бороться ради материального благополучия, проявлять инициативу, экономить, копить. И это тоже – характерный штрих в общей картине нашей культуры. (Как пишет по этому поводу Татьяна Толстая: "В России все хотят разбогатеть, но не любят разбогатевших. Причем не только за пределами и вызывающе богатых, не только очевидно живущих на несправедливые средства, но любого, кто, у всех на глазах тяжко трудясь на незавидной работе, накопил себе денежек и покупает, ест или строит... Деньги в сознании русского человека – это зло, но зло вождельное; сознавая, что мы вожделем дурного, мы стыдимся, убеждаем себя и других, что вовсе мы этих денег не хотим, что это просто так, деваться некуда, а так мы ни–ни". "Аргументы и факты", N 5, январь 2002 г.)

Неуважение к праву, правовым институтам общества.

Выше говорилось о том, что характерная черта западной культуры – уважение к праву и правовым институтам. У нас – все наоборот. Очень многие люди убеждены в правомерности насилия и вообще криминального поведения (если есть возможность как–то его оправдать).

Такое положение, разумеется, сложилось не вчера. С.С. Аверинцев показал, что разница между западной культурой, опирающейся на католическую традицию, и византийско–русской культурой, выросшей из православия, отчетливо выражается в отношении к закону. Западная культура опиралась на представление о том, что все индивиды находятся в некотором пространстве внеличного закона, который и регулирует отношения между ними, а для русской культуры характерно требование, чтобы все отношения между людьми регулировались чистыми чувствами, без всякой опосредованной роли закона.

Запад рассудочнее, рациональнее, опытнее; боясь греховной человеческой души, он пытается ограничить человека рамками условностей. Не доверяя человеческой природе, Запад дает возможность каждому человеку установить необходимую дистанцию, своеобразный "санитарный кордон", препятствующий излишней близости, охраняющий человека от фамильярности, предпочитая жизнь достойную, без опасного раскрепощения, приводящего к непредвиденным последствиям. Россия всегда верила в естественного человека и пыталась его раскрыть, раскрепостить, развязывая вместе с другими узлами и самые дурные инстинкты, страдая от этого, мучаясь, но в этом страдании, мучении живя страстно и безоглядно.

Далеко не случайно Достоевский ненавидел самый дух морали контракта, в котором угадывал суть западного мироощущения, считал его безнадежно несовместимым с христианской братской любовью и даже поминал в связи с ним весы в руке третьего апокалиптического всадника – образ скаредной меры, отмеривающей ровно столько и не больше.

Отечественная журналистика демонстрирует множество примеров того, к чему приводит эта ориентация не на правовые, а на страстно–личностные способы разрешения конфликтов.

Постоянная неуверенность, растерянность, фрустрированность.

Эта особенность советского (а ныне российского) человека хорошо известна каждому, кому приходилось сравнивать наших соотечественников с представителями западной культуры. Разница в поведении определяется тем, что частная жизнь правопослушного гражданина в США неприкосновенна. Более того, все правительственные учреждения, в том числе и правоохранительные, обязаны всесторонне информировать население о своей деятельности. У нас же, несмотря на то, что задача правоохранительных органов формально состоит в том, чтобы охранять права граждан, именно эти органы вызывали и вызывают у людей наибольший страх. Причиной тому не только история страны, но и правовая безграмотность: незнание прав и обязанностей граждан по отношению к правоохранительным органам и, наоборот, прав и обязанностей органов по отношению к гражданам.

Фатализм, переходящий в нигилизм.

Еще одной особенностью российской культуры является глубокий фатализм. Фаталист – это человек, полагающий, что существует некий самодействующий механизм (будь то механизм счастья, социального устройства, судьбы и т.д.), который так или иначе, но обязательно "вмешивается" в его жизнь. Человек, думающий о своем месте в мире и личном достоинстве, напротив, исходит из того, что всегда есть возможность самореализации, что она зависит только от него, от его собственного труда и духовного усилия, направленных на освобождение и развитие его личности.

Этот фатализм проявляется в ставших нарицательными русской безответственности и непрактичности.

Совершенно очевидно, что предъявленный выше список качеств культуры, влияние которой на поведение современного россиянина бесспорно, далеко не полон и не системен. Я и не ставил перед собой цель дать исчерпывающее описание данного феномена. Эта тема еще ждет своих исследователей. Моя задача значительно скромнее – определить некоторые существенные особенности той культуры, под непрерывным воздействием которой мы живем.

Есть все основания полагать, что культура в том ее виде, в котором она представлена выше, начинает разрушаться. Ей на смену идет новый духовный инструментарий, основой которого явится, скорее всего, эгоцентрическая культура. Отмечавшаяся многочисленными исследователями как в нашей стране, так и за рубежом, склонность россиян к коллективизму, социальной справедливости, уравниению доходов в настоящее время распадается. В действительности в стране преобладает оголтелый индивидуализм, являющийся естественной реакцией на насильственный коллективизм. Маятник "коллективизм–индивидуализм" сейчас резко качнулся в сторону индивидуализма, и поскольку баланс пока не найден, уравновесить эти крайности попросту нечем.

Безусловно, у определенных социальных групп эгоцентрическая культура начинает доминировать. Однако носители других типов культурных кодов тоже не сдают позиций. Они всячески противятся формированию и развитию культуры, центрированной вокруг идеи человеческой, индивидуальной суверенности. Более того, можно наблюдать совершенно невероятный импульс к тому, что можно назвать новой коллективизацией сознания. Причем если в советские времена коллективизация была насильственной, то сейчас речь идет о коллективизации добровольной, что в какой–то степени ставит вопрос о том, действительно ли прежняя коллективизация была такой уж насильственной. Под лозунгом "Создадим в России гражданское общество" люди объединяются в самые экзотические структуры (Хочу быть правильно понятым. Я не против гражданского общества и не против права людей объединяться по интересам. Я только полагаю, что наличие множества объединений граждан не имеет никакого отношения к гражданскому обществу, конституирующей идеей которого является идея суверенного ответственного гражданина.). В прессе уже отмечалось, что место великого и могущественного "Мы" тоталитарной империи теперь заняло "Мы" религии, национализма, демократии, антикоммунизма. Каждое из этих "Мы", заряженное энергиями собственной правды и нетерпимости, как и прежде, манипулирует языком абсолютных категорий и всеобъемлющих идеологий. Изменились лишь священные пароли: теперь ими стали "духовность", "традиции", "права человека".

Все сказанное выше понадобилось для того, чтобы констатировать, что российская культура просто проходит тот цикл развития, который двести лет назад прошли другие культуры. Мы ушли от космоцентризма, дошли до социоцентризма, побыли в нем и теперь плавно переходим в эгоцентризм. Понятно, что развитие на этом не остановится и когда–нибудь, если верить Гегелю, мы на новом уровне вернемся к космоцентризму. Но это уже другая проблема. Сейчас же мы должны констатировать, что названные выше три составляющие российской культуры находятся в постоянном конфликте, что является основой интолерантности подавляющего большинства наших людей.

На основе обозначенных выше типов культур, составляющих тело российской культуры,

формируется определенная коммуникативная культура, то есть культура коммуникации, культура общения, культура создания и предъявления посланий и сообщений.

Каждый, кто занимается изучением журналистики, рекламы, деятельности по связям с общественностью, знает, что все эти коммуникативные системы внутренне неоднородны. Так, например, я выделяю три типа современной российской журналистики.

Первый – журналистика управления. Представители такой журналистики считают, что главная задача СМИ – управлять сознанием и поведением людей.

Второй тип – коммерческая журналистика, когда журналист считает своей главной задачей не управлять сознанием людей, а успешно продавать информацию. Чем больше покупают мое издание, мою информацию, тем, с этой точки зрения, я правильнее поступаю. Это рыночная журналистика, журналистика информационных услуг, которая четко фиксирована на том, что она дает только то, что нужно определенному типу аудитории.

Третий тип журналистики – журналистика соучастия, сотрудничества, со–ратничества. Это журналистика, которая ставит перед собой задачу помогать реальным людям. Здесь главное не тираж, не влияние, а взаимопонимание журналиста со своим народом, своими читателями, и т. д. и т. п.

Все эти три тенденции существовали в российской журналистике всегда, вопрос только в доминанте. Сейчас совершенно однозначно победила рыночная журналистика. Большинство журналистов действительно поверили в то, что главная задача журналистики – информировать и отражать. Таковых примерно 50 процентов. Сторонников журналистики управления – примерно 30 процентов. Представителей журналистики соучастия – около 20 процентов. Это нынешний расклад российской журналистики. Он изменится, когда будет меняться фундамент самой культуры.

И здесь возникает вопрос: может ли журналистика, являющаяся закономерной формой существования культуры определенного типа, оказать обратное воздействие на культуру? Ведь понятно, что невозможно реформировать общество, не меняя традиционные коды отношений. Есть основания предположить, что в определенных точках исторического процесса – так называемых точках бифуркации – СМИ способны оказать влияние на духовный климат. Но для этого сам журналист должен отчетливо представлять причины того или иного типа человеческого поведения, суть той культуры, в рамках которой формируются стандарты и стереотипы толерантного или интолерантного поведения. Но и сама журналистика должна быть иной. Потому что стандартная рыночная журналистика в российских условиях возвращает аудитории характерные для массового поведения ин–толерантные формы взаимоотношений с "иными", "чужими", "пришлыми". При этом у представителей этой профессиональной ориентации железное алиби: "Почему журналистика должна быть лучше своей аудитории?", "Мы просто отражаем жизнь такой, какая она есть" и т. д.

В одном из наших опросов мы попросили журналистов проранжировать задачи, которые пресса, по их мнению, должна решать по отношению к культуре. Несмотря на существенные отличия по регионам, усредненные данные свидетельствуют о доминировании тех, кто полагает, что главная задача журналистов – отражение разнообразных событий в сфере культуры, информирование о происходящем. На втором месте стоит задача "формирование высоких культурных стандартов", которая вдохновляет сторонников журналистики управления. А содействие доступу населения к качественной культуре, анализ событий и процессов в сфере культуры отошли на 4–е и 5–е места.

Общий вывод из сказанного выше может быть сформулирован следующим образом. Не стоит уповать на то, что демонстрацией образцов толерантного поведения можно изменить общую атмосферу в обществе и стране. Понадобится долгий и трудный путь пересмотра многих казавшихся незыблемыми представлений и культурных установок. Какую–то роль в этом процессе могут сыграть и средства массовой информации. При условии, что сами журналисты будут овладевать новой профессиональной культурой, которая отвечала бы нынешнему этапу развития России. Вероятно, можно воспользоваться американской концепцией гражданской журналистики.

А может быть, мы сумеем выработать какую–то свою концепцию новой журналистики. Но ясно одно: нынешняя журналистика, не имеющая отчетливого представления о новых смыслах профессии, плохой помощник в деле формирования толерантности.

Какие задачи, по Вашему мнению, должна решать пресса по отношению к культуре? (ранги)

Задачи	Санкт–Петербург	Екатеринбург	Новосибирск	Самара	Воронеж	Нальчик	Среднее
Формирование высоких культурных стандартов	1	2	4	2	4	2	2
Контроль действий органов власти в области культуры	7	8	8	7	5	5	7
Отражение разнообразия в сфере культуры	2	1	3	1	1	1	1
Информирование людей	3	3	1	6	2	4	3
Анализ событий и процессов в сфере культуры	4	5	5	3	3	6	5
Помощь организациям и деятелям культуры	8	6	7	8	8	8	8
Критика негатива	6	7	6	4–5	6	7	6
Содействие доступу населения к качественной культуре	5	4	2	4–5	7	3	4
Предоставление аудитории возможности развлечься	9	9	0	9	9	9	9

Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ,
президент Правозащитного фонда "Комиссия по свободе доступа к информации"